

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ
РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ

(Опыт постановки темы) *

I

Русским революциям 1917 года исполнилось 53 года, русской первой эмиграции, возникшей во время и после гражданской войны, — 50 лет, второй эмиграции, появившейся во время и после второй мировой войны, — четверть века и полвека русской литературе за рубежом, вне России. Уже сама по себе *огромность* этих сроков и устойчивость воли к литературному творчеству заслуживают внимания и раздумья. Пора подводить какие-то итоги. И следует подводить итоги уже не только для нас, современников, соглядатаев или участников этих исторических событий, но для новых, — в первую очередь, российских — поколений, для «племени младого, незнакомого», которое, как показывает целая плеяда деятелей культуры в послесталинском СССР, с необычайной силой ставит проблему поисков Правды-Истины и Правды-Справедливости, исконной и нераздельной «двойной ипостаси» русского сознания, проявляя при этом внимание и к творческому опыту русских зарубежных.

Лучшим — из возможных — «итогов» было бы написание истории зарубежной русской литературы. Но до этого еще далеко, потому что очень плохо обстоит вопрос с первоисточниками ввиду частой недоступности или иногда полного исчезновения их. Ряд авторов не в состоянии создать библиографию собственных произведений: утрачены личные архивы, не найти ни книг, ни журналов, ни газет, в которых типографски воплощались эти произведения.¹ Из-за поразительной отчасти скромности, отчасти беспечности русские зарубежные издания случайно представлены в западноевропейских книгохранилищах.² По-видимому ни редакторы, ни издатели не думали о «будущем историке», и не заботились о снабжении библиотек комплектами изданий. В некоторых случаях, впрочем, иностранные библиотекари отказывались принимать эмигрантские издания, находя их «неважными», «неподходящими к характеру книгохранилища» и т. д., и обычно не хотели выписывать их за деньги. Русский исторический архив в Праге, финансируемый правительством первой Чехословацкой республики, представлял собой блестящее исключение в Европе, сосредоточив большое коли-

* По техническим причинам примечания к этой статье даются в конце ее. — *Ред.*

чество неизданного мемуарного материала и документов и — главное — собирая, по возможности, все издания на русском языке вне СССР. Как известно, одним из первых действий советских властей в Праге, занятой 9 мая 1945 года советскими войсками, был «прием» от чехов материалов этого уникального собрания. «Приемщиком» оказался известный историк, редактор многих томов «Исторических записок», одно время исполнявший обязанности директора Института истории Академии наук, профессор А. Л. Сидоров, бывший в тот момент также полковником «по политической части» и т. д. Спрошенный 15 лет спустя (на одной из конференций историков), когда — примерно — материалы этого собрания станут вновь доступными исследователям, А. Л. Сидоров († 1965), бывший сурово откровенным человеком, ответил сравнительно подробно на вопрос, и суть его ответа: «Очень не скоро и едва ли целиком». Повидимому, историки, занимающиеся нашей темой, обречены еще долгое время пользоваться выборочным или случайным, заведомо неполным материалом, — подлинная язва для исследований любого типа. Именно с этой точки зрения будущего изучения зарубежной русской литературы нельзя не пожалеть, что отдельные частные собрания были продаваемы их владельцами или наследниками без особо оговоренных условий об обязательной публикации их или полностью или хотя бы в форме более или менее подробного описания материалов.

II

Надо подчеркнуть, что об отдельных зарубежных писателях и об отдельных явлениях русской литературы вне России постепенно накапливается некоторая, подчас весьма ценная, литература (автобиографии, письма, воспоминания и критика),³ а иногда появляются даже историко-литературные работы.⁴

Однако общих обзоров русской зарубежной литературы немного. Некоторые из них, и не только наиболее ранние, или откровенно суммарны или ограничиваются характеристикой нескольких «выдающихся представителей».⁵ Интересно общее наблюдение П. Н. Милюкова в «Очерках по истории русской культуры», который, указывая на главную причину разницы между внутрирусской и зарубежной литературами — «наличность советской власти», считал, что «во всяком случае, и в эмиграции и внутри России тенденция литературного развития была одна и та же. Там и здесь старшему поколению присателей-прозаиков удалось пронести . . . художественный реализм . . . Несмотря на разницу политических тенденций, у Бунина и Куприна, с одной стороны, у Вересаева и даже Серафимовича, с другой, мы встречаем ту же прежнюю русскую художественно-реалистическую прозу. Эмигрантская поэзия, правда, сохранила надолго и упадочную форму и упадочное настроение . . .» Подробных данных об эмигрантском литературном развитии в кни-

ге П. Н. Милюкова, опубликованной в 1931 году, не приводится.⁶

Первый, в сущности, «синтетический анализ» «эмигрантского рукава» русской литературы после революции произвел И. И. Тхоржевский, посвятивший из 102 страниц в «части шестой» («После революции») своей книги «Русская литература» эмигрантским авторам 26 страниц.⁷ Основной тон — пессимистический: «... эмигрантская литература высыхала, теряясь в чужеземных песках», «... обрзавалась своя партийная белая библиотека — у эмигрантов; и такая же, красная библиотека — в советской России. Два враждебных отдела беллетристической пропаганды. В белой библиотеке прославлялись героические эпизоды белой борьбы, главным же образом шло лютое обличение «окаянных дней революции». В советской, красной библиотеке было меньше памфлетов и меньше ненависти. Молодую советскую литературу тянуло не к обличениям врагов, а к самовозвеличению». Тхоржевский полагал, что и там и здесь «подлинных художественных ценностей» было «создано больше, где продолжалось простое отображение русской жизни». Здесь оно шло «по линии воспоминаний или исторического романа». Последняя война, по мнению Тхоржевского, способствовала тому, что литература начала «тянуться из тесных берегов красной или белой партийной библиотеки, к слиянию в едином отечественном русле». Оставляя в стороне ряд весьма субъективных утверждений критика, мы должны отметить, что картина, набросанная Тхоржевским, далека от полноты, страдает упрощениями и пристрастием к созданию политическо-националистической схемы, которая вряд ли оправдана разнообразием материала зарубежной русской литературы. Обзор Тхоржевского не столько «историческая сводка», сколько характерная — для некоторых кругов за рубежом — «мозаика меняющихся чувств и обманывающих надежд», — весьма интересный документ для предполагаемого «будущего историка».

Подлинным пионером в этой области оказался М. Л. Слоним, который в своей крайне любопытной и по ряду тезисов и трактовок ценной книге на английском языке отвел зарубежным русским авторам одиннадцать страниц из двухсот, посвященных литературе после революции.⁸ Эта демонстративная ограниченность места для эмигрантов послужила главным поводом для атак на этот обзор, который, несмотря на ультра-сжатость и поэтому досадное скольжение по теме, превосходно и во всех подробностях известной автору, одному из ведущих критиков русского зарубежья, повторил и иллюстрировал ряд прежних тезисов Слонима, едва ли несправедливых по существу, что будущего у эмигрантской литературы, естественно, нет, но что «будущий историк должен будет принять во внимание скромную, но упорно продолжаемую деятельность эмиграции». С отличным — и почти безошибочным — пониманием «удельного веса» литературных явлений и творчества отдельных авторов Слоним дал общую схему и картину движения русской литературной жизни вне России, считая, что расцвет ее падал на середину двадцатых годов. С этим пунктом и с некоторыми оттенками в различных авторских характеристиках можно, вероятно, спорить;

надо также предположить, что во время работы над этим очерком у Слонима были пробелы в источниках; иначе трудно объяснить ошибки в личных именах или непонятные пропуски, например, при характеристике прозы Леонида Зурова, когда не названы самые значительные его произведения, как «Отчина» (1928 г.), «Древний путь» (1934 г.) и «Поле» (1938 г.). Вообще списки неназванных и неназванного могли бы составить еще «одинадцать страниц», по крайней мере . . . Нельзя не пожалеть, что Слоним ограничил самого себя, сведя изложение материала к конспекту. В заслугу Слониму, однако, надо поставить, что он подчеркивает вклад эмиграции в философию (в частности православия) и в различные области гуманитарных и положительных знаний и особенно в политическую литературу, хотя и здесь он просто отмечает факт, не конкретизируя его, — единственное исключение сделано для евразийцев, едва ли, впрочем, безукоризненное в отношении точности. Он отмечает также роль всей эмиграции и, в частности, писателей, как «посланников русской культуры, распространявших идеи об ее достижениях и сделавших большой вклад в понимание (иностранцами) России». Приговор Слонима о зарубежной русской литературе неллицеприятен и суров: здесь не появилось «ни новых достижений, ни новых школ или индивидуальных авторов крупного значения», писатели за рубежом «закончили главу русской жизни и художественного развития», пока что «роль их в развитии родной литературы была довольно ограничена», «почти нулевая». Подчеркнем, что это мнение было сформулировано до смерти Сталина, когда «непроницаемость» советского общества казалась одним из результатов системы. Любопытно отметить, что Г. П. Струве, высказавший в адрес М. Л. Слонима немало острых замечаний,⁹ пришел к подобному же выводу в своей, получившей широкую известность, книге «Русская литература в изгнании», наиболее подробном и — в целом — бесспорно наиболее ценном обзоре. Вот его вывод: «Зарубежная литература, как особая глава в истории русской литературы, идет к своему неизбежному концу. Лучшие страницы ею несомненно в эту историю уже вписаны. Своего беспристрастного историка она еще ждет».¹⁰

Как и следовало ожидать, работа Г. П. Струве вызвала ряд дополнений, уточнений, а иногда и возражений, которые подчас полезны, а подчас придиричивы и несправедливы, — разбирать их здесь неуместно: они тоже материал — для гипотетического «будущего историка».¹¹

III

Основная предпосылка, идейная установка и главный вывод книги Г. П. Струве выражены следующими словами: «Зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который — придет время — вольется в об-

щее русло этой литературы». Едва ли следует ставить вопрос иначе, — этот процесс уже в действии. Несколько тому примеров. На наших глазах произведения двух не только зарубежных, но, более того, когда-то яростно «белогвардейских» авторов (Куприн и Бунин) оказались включенными в «литературный обиход» Советского Союза. Не беда, что пока что их произведения представлены там выборочно: придет время и для «Полного собрания сочинений». То же самое произошло с поэзией Марины Цветаевой, несомненно самой замечательной поэтической «плакальщицы» по Империи, бывшей и самым вдохновенным певцом белого движения.¹² Нечто подобное происходит с произведениями долговременно «опального» Леонида Андреева («опала», главным образом, из-за его обращения в 1919 году к западному миру: «SOS. Спасите наши души»).¹³ Мы наблюдаем также и обратное явление. Ряд авторов, как Замятин, выпущенный в Европу в 1931 году, как Борис Пильняк или Осип Мандельштам, погибшие после арестов, или ряд новейших писателей, оказавшихся на Западе, как бы «списаны с актива» советской действительности, но в какой-то мере вошли в «орбиту» зарубежных литературных интересов, — прежде всего фактом переиздания или опубликования впервые их произведений, а также опытами изучения их творчества и жизни.¹⁴ Иногда, как, например, в причудливых судьбах Михаила Булгакова или Александра Солженицына, писатели и их произведения оказываются «затуманенными звездами» для советского читателя, сияя ослепляюще, полным блеском, только, пока что, по эту сторону рубежа.¹⁵ Водораздел между «двумя руками» литературы зыбок. Литературная изворотливость Ильи Эренбурга или пронырливая талантливость Алексея Н. Толстого, монументальная двухкрасочность палитры Горького, «трескотня Заратустры» Андрея Белого (по остроумному выражению Ремизова) — указываем только на ярчайшие примеры — принадлежат всему полноводию современной русской литературы: перемена политической ориентации, возвращение в СССР или выезд из него не уничтожают реальности прошлого, «из песни слова не выкинешь» . . .

Иными словами: *зарубежная русская литература естественно включает в себя все то, что претендует быть литературой и что появляется на русском языке вне границ страны. Эта зарубежная литература проникнута пафосом авторской свободы, ибо независимость авторского мнения и выбора любой формы при его воплощении в слове есть сущность литературных произведений за рубежом.*

Объединяющим — сверхидеологическим — началом обоих «рукавов» литературы и определяющим признаком уровня зарубежного писательского творчества является язык. Русская литература существует постольку, поскольку она выражает себя в *русском слове*. В блистательной своей статье — «На смерть Бунина» В. В. Вейдле, один из самых глубоких зарубежных критиков, великолепно показал, чем жива не только проза Бунина, но и вообще литература: «пристальность к слову».¹⁶ Качество языка и мастерство управления им суть предпосылки возникновения и жизни литературных

произведений. Именно эта зарубежная установка оценена и в самом СССР: именно за эти качества приняли в «отечественные недра» даже и заведомых противников советской системы. Именно проблема русской речи в отрыве от родины оказалась источником сомнений о будущем литературы в изгнании, — в этом пункте совпадают, кажется, мнения всех критиков и редакторов.¹⁷

Гипотетически есть еще одна «опасность», подстерегающая, якобы, зарубежных русских авторов: переход в их творчестве на иные языки. Фактически, однако, за полвека эмиграции только один писатель огромного и своеобразного таланта, подлинно великое явление русской прозы, «сменил душу», — ушел из русской литературы в расцвете своей славы, чтобы взлететь кометой на англо-саксонском литературном небосводе. Это исключение (в лице В. Сирина, ставшего В. В. Набоковым) только подтверждает правило: художественная проза неминусе связана, как — в еще большей степени — поэзия, с родным (для автора) языком, когда обязательны не только знание, но и чувство языка. Язык есть выражение «субстанции» любого народа, именно поэтому все литературы всегда национальны. Но Набоков и здесь оказался индивидуальным явлением: он и в этом переходе на другой язык «опрокинул все, ставимые критикой колышки и загородки», по прекрасному выражению Кириллы Зайцева: он вошел в англо-американский мир, как явление победителя, своеобразнейшего и ошеломляющего гения. Он кажется прообразом грядущих авторов будущей «космополитической культуры». И нашим утешением остается мысль, что во многих отношениях Сирин увлекательнее Набокова, ибо у Сирина есть непосредственность поиска и радость удачи при «открытии литературных Америк», а у Набокова довлеет сверхматематический расчет, «алгебра великолепной техники».¹⁸

IV

П. Н. Милюков правильно отметил основную предпосылку возникновения эмигрантской литературы, — наличие советской власти. Возникают ли отсюда логические последствия, что зарубежная русская литература преднамеренно идейно направлена, неизбежно тенденциозна, прирожденно антисоветская, естественно антикоммунистическая и так далее? В таком духе ее склонны определять не одни только советские обозреватели, которые намеренно стилизуют материал (помнится, в одной из советских статей 1932 г. М. Л. Слонима именовали «небезызвестным белогвардейским критиком», хотя, — как раз в то же время — правое крыло и центр эмигрантских группировок казнили его «левизну»), но и здесь (см., например, указанные выше определения И. И. Тхоржевского) нередко подобные же тенденции в отношении литературы. Н. И. Ульянов не без основания писал в своей темпераментной статье «Десять

лет», посвященной писателям из так называемой второй эмиграции, то есть оказавшимся вне России во время и после второй мировой войны: «У эмигрантских политических партий, без различия направлений, существует то же самое утилитарное отношение к литературе, что и у большевиков». ¹⁹ На эту статью, среди других, отозвавшихся на резкую постановку темы, справедливо возразил по ряду пунктов Г. П. Струве, но общей «формулы» по поводу тезиса Ульянова не дал. ²⁰ Между тем, явление, на которое жалуется Ульянов, вполне закономерное, поскольку зарубежная русская словесность выросла в результате исхода из России русских людей по политическим причинам. Более того, русская эмиграция оказалась той группой русских, которая пользовалась почти безответственной свободой мысли и слова. Естественным образом, как и иная любая литература любой иной страны, она включала в себя и отразила в произведениях ее писателей едва ли не все разнообразие идейных мнений, свойственных различным секторам русской общественности. В силу специфических условий эмигрантского существования зарубежная литературная деятельность всегда начиналась с «примата политики», с позиций политической обороны и политического самооправдания. К чести русской эмиграции «примат культуры» немедленно вступал в защиту иных начал, чем чисто политические. Надо подчеркнуть, что именно в отношении литературного творчества редакции, обычно политически ориентированные или просто по составу партийные, проявляли большой либерализм, печатая все то, что казалось талантливым, и не чрезмерно заботясь о «чистоте идеологических риз» писателей. Воспоминания на эту тему бывших редакторов некоторых «толстых» журналов хорошо обосновывают этот тезис. По-видимому, за исключением поэмы «Перекоп» Марины Цветаевой, не возникло ни разу «литературной ситуации», когда к эмигрантским художественным, прозаическим или поэтическим, произведениям был применен при решении о публикации иной подход, нежели определение степени их «талантливости» или «технического уровня». ²¹ Но, конечно, по условиям «рынка», финансовой окупаемости и кредитов, в большинстве случаев от лиц или учреждений, незаинтересованных в литературе как искусстве, было не столь много изданий, свободных от «гражданских мотивов». Особенно связаны были газеты, в которых действовали три фактора: общественная направленность, злободневность и доходчивость формы печатаемого материала. Идеино и идеологически зарубежная печать была и есть пестра и разноцветна, но как раз в таком разнообразии красок общественного спектра исторически заключается привлекательная и сильная сторона ее, ибо это отражение многообразия идейных явлений русской жизни. Надо отдать себе полный отчет в том, что *микрокосмос* русских людей за рубежом отражал одно время весь идейный спектр России: начиная от черносотенства типа Маркова II, бывшего более монархистом, чем сами Романовы, двигаясь сквозь переживших крушение империи, неоднородных по настроениям представителей династии, сквозь остатки сановной и дворянской России, сквозь носителей оттенков всех русских поли-

тических тенденций эпохи конституционной монархии и 1917 года, России «черного года» (по вещему слову Лермонтова), сквозь идеологов эпохи гражданской войны, непредрежденчества и «пореволюционных течений» (от сменовеховцев, евразийцев и младороссов к НТС, новоградцам, «Утверждению» и «Третьей России», дальневосточным фашистам и русским нацистам типа А. В. Мельского [Меллер-Закомельского] с его «Новыми веками») и кончая группами «возвращенцев» и «невозвращенцев», позднее группами «оборонцев» и «советских патриотов» и до одного из ярчайших вождей Октября, Л. Д. Троцкого, и до сторонников традиционного черного знамени анархистов. И весь этот спектр российских идейных мнений клокотал речами, статьями, брошюрами, программами, письмами в редакции, воспоминаниями, опровержениями и, по-видимому, вовсе не собирався впасть «в пессимизм молчания», но предполагал вернуться в Россию обычно «будущей весной» и «действенно включиться во внутри-российские процессы» — мотив, долгое время распространенный среди эмигрантов всех политических течений. Надо признать, что вся эта идейная разногласица эмиграции есть прямое отражение революционного урагана и в то же время интереснейшая глава и русской истории, и русской мысли, и будет изучаться с неменьшей тщательностью, чем теперь изучается развитие предреволюционных идеологий в России. Совершенно другой вопрос, войдет ли что-либо из этого материала в будущую идейную жизнь нашего отечества. Однако, неправильным представляется выключать этот публицистический отдел из книги об эмигрантской литературе: политика — предпосылка эмиграций, борьба идей и идеологий составляет фон русской зарубежной деятельности, нередко отклик на публицистику является фактором и в поэзии и в прозе. Такие отклики могут быть талантливыми или бездарными, — здесь опять вопрос оценки, когда решает «то неуловимое, что называется вкусом» (по превосходному определению Г. В. Адамовича). Зарубежная русская литература не может быть правильно воспринята «в абстракции», с Олимпа, с позиций снобизма и только эстетики, эмоциональных читательских оценок. Слоним и Струве безусловно более правы, отмечая важность этой стороны в зарубежной литературе, чем их критики, как Карпович или Иваск, которые предпочитали бы больший отбор, проверенную «чистую литературу». ²² И, действительно, без понимания «идейного фона» эмиграции будут менее выразительными не только повести М. Осоргина (М. А. Ильина), романы генерала П. Н. Краснова или рассказы «Офицеры» генерала А. И. Деникина, книги Романа Гуля или «Конь вороной» В. Ропшина (Бориса Савинкова), «Тайна и кровь» П. Хрущова (П. М. Пильского) или наброски о Галлиполи И. Савина (Ивана Саволайнена), или исторические — «имперские» — стилизации Ивана Лукаша, начавшего в 1917 году — по иронии истории — с восхваления мятежных волынцев и павловцев, прикончивших империю, но и ряд гораздо менее политически подчеркнутых произведений, как рассказы Сергея Эфрона, Бориса Сосинского, поэзия Арсения Несмелова, даже «Дом в Пасси» Бориса Зайцева и многие

иные. Можно ли полностью оценить «Конницу» Алексея Эйслера или «Поэму временных лет» Вячеслава Лебедева без понимания характера евразийских построений и сокрушительных контратак «нео-западников»? Можно ли понять без упрощений пронзительнейший и, в каком-то смысле, один из наиболее человеческих романов В. Сирина «Подвиг», если не ощутить у героя его неверия в «русские общественные идеалы» и — главное — в их носителей, изображенных, как и в «Даре», с убийственной иронией? Даже в классике Бунина, в его совершеннейшей «Жизни Арсеньева», страницы, связанные с именем великого князя Николая Николаевича не «звучат» для тех, кто не знает, что символизировало его имя именно в эмиграции и, в частности, в кругах, к которым принадлежал сам Бунин. И так далее. Иначе говоря: *изучение эмигрантской публицистики — необходимая часть истории эмигрантской литературы.*

Не приходится защищать включение в рамки зарубежной литературы философии. И хотя было бы, вероятно, невозможно показать, на какого поэта или прозаика конкретно повлиял, скажем, интуитивизм Н. О. Лосского, но надо признать, что — в целом — высокий и несомненно идеалистический дух зарубежной русской поэзии находился в каком-то соответствии с религиозным оптимизмом и высокой гуманностью философских концепций, процветавших в русской мысли за рубежом. Опять-таки по иронии истории, несколько блестящих имен «властителей дум» когда-то были носителями и популяризаторами в России учения Маркса, от идей которого они эволюционировали в философский идеализм, — П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, о. С. Булгаков, С. Л. Франк. Но и кроме них философская культура предреволюционного расцвета русской мысли была богато представлена в эмиграции — стоит назвать имена Н. О. Лосского, митроп. Антония, Льва Шестова (Л. И Шварцмана), П. И. Новгородцева, Б. В. Яковенко, Л. П. Карсавина, Н. Н. Алексеева, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Ф. А. Степуна, И. И. Лапшина, С. И. Гессена, и более молодых, как В. В. Зеньковский, о. Георгий Флоровский, В. В. Вейдле, Л. А. Зандер, Д. И. Чижевский, Г. А. Ландау, Г. Д. Гурвич, Н. С. Арсеньев, В. Н. Ильин, архиеп. Иоанн (Шаховской), Д. В. Болдырев, С. А. Левицкий, Н. А. Реймерс, Р. В. Плетнев и другие, которые продолжали эту линию «любомудрия». Все они в той или иной форме содействовали удачно и стимулирующе — созданию творческой атмосферы в эмиграции и поддержанию уровня русского печатного слова вне России.²³

Таким образом, вне зависимости от ответа на вопрос, отразила ли зарубежная русская литература разнообразие идейного спектра в эмиграции, выше охарактеризованного (пожалуй, в какой-то степени — да, за исключением, может быть, социал-демократических идей), ее возникновение, этапы развития, судьбы должны быть рассмотрены как исторический феномен, то есть должен быть изучен или, хотя бы, описан (что и делал в своей книге Г. П. Струве «для будущего историка») материал, составляющий «плоть» этой литературы, включая и ее публицистику.

Г. П. Струве разделил собранный им материал литературы на три этапа: I. Становление зарубежной литературы (1920—1924 гг.); II. Зарубежная литература самоопределяется (1925—1939 гг.); III. Война и послевоенный период. Едва ли историк неправ, намекая такую именно периодизацию, хотя можно иногда ввести некоторые уточнения, которые, как будто бы, вытекают из самого материала.

Прежде всего возникает вопрос, когда начинается зарубежная литература? Она начинается с того трагического явления, каким является *массовый исход интеллигенции* за пределы своей страны. Странным образом ни гражданская война, в результате которой сотни тысяч русских оказались за пределами Советской России, ни история этой эмиграции объективно еще не изучены. Более того, до сих пор неизвестна точная цифра о количестве русских, оказавшихся вне России. Большая Советская Энциклопедия в 1933 г. напечатала статью М. Алехина «Эмиграция Белая». ²⁴ В ней была приведена следующая сводка о размещении первой эмиграции (в тысячах): Германия — 150, Франция — 400, Югославия — 40, Болгария — 30, Чехословакия — 30, Польша — 100, Румыния — 10, Латвия — 30, Китай — 70 (преимущественно Маньчжурия и Шанхай); итого — 860. Как видно, пропущено несколько стран, в том числе Эстония и Литва. И в той и в другой оказалась не только вновь прибывшая эмиграция. В Эстонию отошла, например, Северо-Западная армия генерала Юденича вместе с волной беженцев из-под Петербурга, несколько раньше из Пскова, но в той же стране, как и в Литве, было исконное русское население, — в Эстонии оно доходило до 100 тысяч, количество русских в Латвии также было значительно выше — около 200 тысяч, в Литве — до 25 тысяч. Какое-то количество русских было в Финляндии и в Турции, тоже не упомянутых в сводке, в Польше указано только 100 тысяч, но на самом деле русских там жило неизмеримо больше, хотя польская статистика не любила признавать факт нахождения на территории Речи Посполитой массива русского населения. М. Л. Слоним предполагал, что «почти миллион русских покинул свою страну с 1917 года, и среди них необычно большая часть относилась к аристократии, интеллигенции и к высшей и средней буржуазии, включая исключительно высококи процент литераторов». ²⁵ Вл. Абданк-Коссовский думал, что «в течение пяти лет из недр России извергнута была огромная людская масса, около трех миллионов человек . . . русская армия, духовенство, цвет русской интеллигенции, корифеи русской науки, литераторы, представители искусства, промышленности, фабриканты, учащаяся молодежь, рабочие, крестьяне, казаки, горцы, калмыки . . .» ²⁶ И. К. Окунцов давал для 1936 года цифру «читательской массы» в два миллиона. ²⁷ Само собой разумеется, что судьба русских, оказавшихся едва ли не во всех странах мира, была весьма

различной, а «месторазвития» зарубежной литературы, естественно, оказались неодинаковыми. Некоторую автономность в развитии, по-видимому, получило дальневосточное месторазвитие, хотя во всех известных нам обзорах почти нет сведений о том, как протекал там литературный процесс. До начала второй мировой войны не играет важной литературной роли ни одна из Америк, хотя в Северной было немало органов русской печати. До 1940 года зарубежная русская литература оказывается в первую очередь и в своей ведущей части сконцентрированной в «праматери-Европе».

В течение *начального периода*, оканчивающегося, примерно, в 1925 году, выясняется ряд обстоятельств, судьбоносных для зарубежной литературы. Выявились русские культурные центры — Берлин,²⁸ Прага, Белград, а явочным порядком столицей утвердился Париж, задававший тон вплоть до момента немецкой оккупации в 1940 году. София, Варшава, Рига, отчасти Ревель (превратившийся в Таллин) или утратили свое первоначально важное значение или постепенно перерождались в меньшинственные центры, русская печать которых, тоже постепенно, все больше вовлекалась в защиту местных интересов против крепнувших «малодержавных шовинизмов» молодых государств.

Как будто именно в 1925 году начинают гаснуть иллюзии о «быстрой эволюции советского строя» — идея, созданная фактом НЭП'а. Прекращаются попытки изданий журналов, где сотрудничали бы советские и эмигрантские авторы. Максим Горький явно переходит на сторону «советского эксперимента», хотя он и до этого занимал «нейтральную позицию», живя «независимым феодалом» в Италии, — берлинская «Беседа», редактированная в 1923—1925 гг. Горьким и Ходасевичем (всего вышло семь номеров) и предназначенная «восстановить связь между русской и западноевропейской интеллигенцией», существовала в весьма индивидуальном положении, но, поскольку «Беседа» не пропускалась советскими властями в Россию, этот журнал и цели его редакторов принадлежат скорее к эпизодам зарубежной литературы, чем к советскому руслу. Стоит указать, что и в России как раз 1925 год явился началом «новой эры» в «политике партии в области художественной литературы», — сравнительно либеральные постановления ЦК РКП в конце июня не оставляли больше сомнения, что отныне литература будет находиться под контролем партии, которой, а не отдельным группам писателей, будет принадлежать последнее слово. Вероятно, не случайно именно в 1925 году складываются твердые мнения по вопросу, очень остро поставленному в 1924 году Антоном Крайним (З. Н. Гиппиус): «... с начала 18-го года» в России «нет литературы, нет писателей, нет ничего: темный провал...», «... русская современная литература выплеснута в Европу...» И с беспощадной резкостью Антон Крайний определил позиции Горького, «этого большого, недурно подделанного, сердолика», у которого «любовь к культуре при полной к ней неспособности — недуг, выедающий, сжигающий не только талант писательский, но и душу человеческую...» «Горький уедет домой...», но опять придет в Европу, чтобы снова уехать...

И ничего не изменится. Дальнейшие его литературные произведения нам безразличны. Они тоже не изменятся. Ведь катастрофа, постигшая русских писателей, русскую литературу, не могла на него никак повлиять — просто потому, что для него ее не было». ²⁹ Наиболее разработанные точки зрения иного характера были выражены в статьях М. Л. Слонима, который упрекал зарубежных авторов в «творческой скудости», именовал Антона Крайнего и «иже с ним» «мертвыми критиками». ³⁰ Общий тезис его звучал следующим образом: «... Существует зарубежная книга — но не существует особой зарубежной литературы, и сотни томов, изданных за границей, не образуют обособленного и замкнутого в себе мира, а входят значительной и составною частью в общую сокровищницу русского слова...». ³¹ Несомненно, в перспективе времени нам ясны степени условности обеих точек зрения, но, конечно, тогда они представляли собой почти программные заявления. Несомненно более «путчиковская» линия Слонима не могла нравиться тем, кто как раз в 1925 году начал подчеркивать идею существования «Зарубежной Руси», — само понятие «Зарубежной России» было сформулировано, кажется, в 1920 году в статье Б. Э. Нольде.

Зарубежный съезд национальных организаций в Париже в 1925 году и создание газеты «Возрождение» под редакцией П. Б. Струве, ³² явившейся некоторым противовесом «Последним новостям» П. Н. Милюкова, способствовали «поляризации» эмиграции в отношении политики и — в то же время — своеобразной стабилизации парижского литературного быта вплоть до самой второй мировой войны.

Таким образом, «первый этап» зарубежной литературы идет — условно, конечно — до 1925 года включительно.

VI

Второй этап продолжается до 1940 года, до момента вступления гитлеровских войск в Париж. Этот этап, как кажется, имеет внутреннее подразделение — 1933 год. Чем характеризуются первые семь лет этого периода? Важнейшим фактором этого семилетия оказывается появление на сцене и вхождение в зарубежную литературу нового поколения, сложившегося, как литераторы, уже вне России. Конечно, молодые писатели были и раньше, были всегда, — см., например, увлекательный рассказ об этом явлении в 20-е годы в вышеуказанных воспоминаниях Вадима Андреева. Были уже в разных местах русского рассеяния литературные объединения, кружки (тема особая). Тем не менее, поскольку литература — все же — обуславливается фактом напечатания произведений, до этого времени зарубежные издатели и редакторы интересовались, главным образом, писателями «с именем». Но именно в этот период «Воля России» устраивает литературный конкурс молодых прозаиков, а «Звено» — конкурс поэтов. В 1926 году выходит отдельным изданием первый роман В. Сирина «Машенька», — поразивший и новой тематикой и новыми приемами повествования. В 1926 году в праж-

ском журнале «Годы» был опубликован кратчайший, но острейший «Роман с сапогами» Василия Федорова, а затем в «Воле России» его же «Кузькина мать», — совсем новое явление, сулившее жанр сатиры и гротеска в сочетании с бытовой изобразительностью. В 1927 году в «Воле России» появилась принципиально важная статья С. П. Постникова, великого друга литературной молодежи, «О молодой эмигрантской литературе», в которой выдвигались три имени прозаиков — Б. Сосинский, В. Сирин и В. Федоров. Складывалась, казалось, благоприятная обстановка для выявления в печати молодых талантов, включая и критиков, как Д. С. Святополк-Мирский или Глеб Струве.³³ Поток публикуемых стихов выявил десятки новых имен.³⁴ В 1928 году появилось скромнейшее издание в Ревеле, впервые полностью молодежное, — «Новь», стремившееся осуществить сотрудничество молодых литераторов из разных стран. Под впечатлением успеха этого начинания в Риге попытались даже издавать двухнедельную молодежную газету «Наша газета».

Существенно важным был, конечно, факт, что и ведущие издания в Париже стали чаще открывать свои страницы для литераторов так называемого «второго» поколения эмиграции. «Современные записки» полностью поддержали В. Сирина, Нину Берберову, Гайто Газданова, Леонида Зурова, Мих. Иванникова, печатая их прозу, а также более эпизодически произведения других, как Георгий Песков (Дейша-Сионицкая), Вас. Федоров, Вас. Яновский. Много произведений молодых поэтов увидело свет в этой цитадели высокой культуры. Конечно, и в других журналах, как «Русская мысль» П. Б. Струве, выходившая очень нерегулярно (1921—1927 годы), печатались молодые таланты, но «ставки» на них еще не делалось. В 1926 году в Брюсселе было издано две книги журнала «Благонамеренный», под редакцией князя Д. А. Шаховского, бывшего тогда студентом в Лувене (ныне он — архиепископ Иоанн Сан-Францисский), — здесь большинство прозаиков и поэтов принадлежало условно к «начинающим» (Георгий Цебриков, С. Эфрон, Б. Сосинский, Н. Еленев, А. Гингер, Довид Кнут, Глеб Струве, Галина Кузнецова, Влад. Диксон и др.). Но в «Верстах», редактором которых был князь Д. П. Святополк-Мирский (вышло три тома в 1926—1928 годах), установки были вне внимания к молодым зарубежникам. Закрытие «Воли России» в 1932 году вызвало большое огорчение среди молодых литераторов, также как и кратковременный (вышло, кажется, три номера) опыт с изданием под редакцией М. Л. Слонима парижского литературного еженедельника «Новая газета», в которой приняло участие много малоизвестных или вовсе неизвестных сотрудников. Парижские «Числа», появившиеся в 1930 году под редакцией И. В. де Манциарли и Н. А. Оцуа в необычайно богатом, подчеркнуто эстетическом оформлении, немедленно возбудили немалые страсти (в частности, своим отказом «дать место политике» на своих страницах), но осуществили сотрудничество всех эмигрантских поколений (в том числе и «незамеченного», по самооплакивающему выражению В. С. Варшавского).

В 1933 году получение Буниным Нобелевской премии, «мировое

признание» его гения вызвало подъем интереса к зарубежной литературе и в самой русской зарубежной среде и вне ее и вселило в эмиграцию некоторый «историсофский оптимизм». ³⁵ Надо подчеркнуть, что в течение всего этого периода и специально в предвоенные годы было опубликовано много полноценных книг, которые останутся убедительным свидетельством творческой силы и одаренности писателей вне России. Мережковский выпустил десять томов, посвященных его вечным разгадываниям религиозного смысла истории и «мистериям» ее деятелей (здесь шла речь о Наполеоне, Атлантиде, Иисусе Христе, о нескольких святых, Жанне д'Арк и Данте). Борис Зайцев — в своей столь индивидуальной лирической манере — написал и издал за это же время восемь томов, в том числе чудесный «Валаам» и пленительное «Путешествие Глеба» и удачнейший «Дом в Пасси», воспоминания «Москва» и весьма по-своему увиденную «Жизнь Тургенева»: Зайцев оказался единственным из эмигрантских классиков, который не остался духовно только в прошлом, но ощутил и реальность эмигрантского бытия, в котором вера и верность играют животворящую роль. Шмелев опубликовал три больших романа, четыре сборника рассказов и два тома очерков о дореволюционной России, и как бы не решала критика вопрос об его писательских качествах, средний эмигрантский читатель его любил, — вероятно за идеализированный образ России и за необычайно богатый язык. Несколько по-прежнему добротных произведений Куприна и сонм «лабораторных опытов в прозе», увлекательных, необычайных, полных многочисленных словесных находок — не менее двенадцати книг Ремизова увидели свет в течение того же второго этапа зарубежной словесности. Восемь любопытнейших исторических романов и повестей и пьесу «Линия Брунгильды» издал всепонимающий, скептический Алданов. Талантливые повести Б. Тамиряева (Юрия Анненкова), десять книг внимательного, снисходительно-доброго и часто иронического, а порою умеющего и посмеяться Мих. Осоргина, «Эмигрантские рассказы» и роман «Ротонда» И. Сургучева, одиннадцать книг Сирина, пять книг Берберовой, четыре полновесных книги Зурова, три книги (считая и стихотворный сборник) Галины Кузнецовой, четыре романа Ирины Одоевцевой, три, кажется, книги повестей и рассказов Вас. Федорова и так далее. Надо прибавить огромный поток стихов, разнообразнейших «по школам». ³⁶ А, с другой стороны, в 1934 году закрылись «Числа», происходило сокращение издательств. Гитлеровщина, спазмы сталинских чисток, испанские события, крах версальской системы в центральной и восточной Европе, ожидание военной грозы вынесли опять на поверхность «примат политики».

VII

Третий этап — с 1940 года (падение Парижа) и, примерно, до 1949—1950 года. Главнейший факт — «открытие Америки», точнее — Нью-Йорка, как нового литературного центра, куда перебирались

все те, кто мог покинуть «праматерь Европу», и где возникли «Новый журнал», ставший с тех пор новой цитаделью русской культуры за рубежом, и живое, беспокойное, ищущее «Новоселье», детище Софии Прегель. Потеря всех «драгоценных осколков родины», на которых были русские меньшинства (от Эстонии до Бессарабии, включительно). Потеря половины Германии, центральной Европы, Балкан и Дальнего Востока. Исчезновение русской школьной сети в эмиграции. Последней был предложен курс на ассимиляцию с западными демократиями, «вращение в капитализм». Вторая эмиграция, количество которой точно неизвестно, весьма быстро вошла в зарубежье, которое отчасти было ею «омоложено», выдвинула ряд интереснейших литературных имен, хотя многие из новых эмигрантов скорее и привычнее отзывались на политические призывы, особенно заманчивые ввиду начавшейся «холодной войны». ³⁷

VIII

Четвертый этап зарубежной русской литературы шел, опять-таки примерно, с 1949—1950 года до начала шестидесятых годов с переломным, как будто бы, пунктом в 1956 году. Стала беспорной ведущая роль «Нового журнала», давшего плеяду замечательных редакторов (М. О. Цетлин, отчасти в качестве советника М. А. Алданов, М. М. Карпович, Н. С. Тимашев, Ю. П. Денике, Р. Б. Гуль), и газеты «Новое русское слово» с ее редактором М. Е. Вейнбаумом во главе, сумевшими создать «рабочий синтез» творческих элементов обеих эмиграций и всех их поколений. Созданию литературной атмосферы, иногда весьма утонченной, способствовали с 1953 года журнал «Опыты» (девять выпусков, сначала под редакцией Р. Н. Гринберга и В. А. Пастухова, а затем Ю. П. Иваска). Возникновение в 1951 году нью-йоркского издательства имени Чехова, напоминавшего размахом своей деятельности издательство «Пламя» в Праге в двадцатые годы, привело к опубликованию длинного ряда разнообразнейших по тематике, но большей частью интересных и ценных книг, начиная с переиздания некоторых томов сочинений И. А. Бунина. Деятельность этого издательства вызывала соревнование и других издательских центров — в Париже, в Германии и в Буэнос-Айресе (в Аргентину после войны переехало немало бывших военных из первой эмиграции и — главным образом — вокруг газеты и издательства «Наша страна» создавалась некоторая группа весьма националистических и «право настроенных» литераторов). В Париже с 1950 года блестящую деятельность развило издательство «Рифма», опубликовавшее десятки стихотворных сборников, — и среди многих довоенных авторов две новых звезды первой величины, — Владимира Корвин-Пиотровского и Игоря Чиннова. К несчастью, в 1956 году, посреди, казалось, больших успехов, Чеховское издательство закрылось. Это был тяжелый удар по русской культуре. Почти одновременно прекратило работу парижское издательство Возрождение, много лет субсидировавшееся «последним русским капи-

талистом», А. О. Гукасовым. Перекочевавший в 1950 году из Нью-Йорка в Париж журнал «Новоселье» уже больше не существовал. Парижские литераторы, вновь разделенные на две группы «послевоенными эмоциями» (просоветскими и традиционными), или блокировались с «Русскими новостями» А. Ф. Ступницкого, в которые были привлечены такие крупные единицы, как Адамович, Ремизов и даже Бунин, или массировались около «Русской мысли» В. А. Лазаревского с соредакторами — В. Ф. Зеелер, С. А. Водов и В. В. Полянский (из эмигрантских классиков — Б. К. Зайцев) и журнала «Возрождение» (редактор И. И. Тхоржевский, после его смерти в 1951 году С. П. Мельгунов до 1954 года, после чего там началась «редакторская чехарда»). Париж, даже после изживания этих «комплексов», никогда не вернул себе прежнего значения, но продолжал оставаться крупным русским культурным центром первой эмиграции, по преимуществу. Интересно, что здесь удачно продолжены традиции внимания к православию: YMCA Press не прекратило свою благородную издательскую деятельность, а «Вестник Русского студенческого христианского движения» превратился в серьезный и интересный журнал православной мысли. В Германии, после кратковременного «цветения» Мюнхена, где были всяческие попытки публикаций (самая интересная — журнал «Литературный современник», вышло 5 номеров), важным центром литературной связи стало издательство Посев и его журнал «Грани», который в лице своих редакторов — Е. Р. Романова, Л. Д. Ржевского и Н. Б. Тарасовой — развил правильную линию сотрудничества представителей поколений всех эмиграций, — от Бунина, Ремизова, Ник. Оцупа, Сергея Рафаэльского до совершенно начинающих. Во второй половине периода начали выходить в Мюнхене сборники — «Мосты» — под редакцией Г. А. Андреева (Хомякова), которые обнаружили высокий уровень материала из всех доступных источников.

IX

Примерно с 1961 года начался пятый этап в жизни русской литературы за рубежом. С 1960 по 1967 год Р. Н. Гринберг издал пять выпусков альманаха «Воздушные пути». Но издание стихотворных сборников стало, в большинстве случаев, «авторским капиталовложением». Ряд разнообразных публикаций был выпущен в свет вашингтонским издательством В. Камкина. «Мосты» переехали в Нью-Йорк, и в 1970 году вышел пятнадцатый том этого прекрасного альманаха. В «Новом журнале» появляется все больше статей и рецензий, написанных нерусскими славистами, — есть ли это победа русской культуры или поражение русских зарубежников? После кончины А. О. Гукасова «Возрождение» во главе с князем С. С. Оболенским энергично старается расширить состав сотрудников. «Новый журнал» и особенно «Грани», а также издательство Посев и возобновившее в ограниченных размерах работу Чеховское издательство (да в какой-то мере и другие издательские центры) оказа-

лись под влиянием совсем нового фактора — произведений внутри-российского Самиздата. Эта совершенно никем не предвиденная форма слияния двух рукавов русской литературы в типографском воплощении вне России — необычайно красноречива и наполняет оптимизмом всех, кому дорога русская словесность. Поистине — «неисповедимы пути русской литературы», но в этом типографском братстве тоже выражается взыскуемый синтез потока русского свободного слова. Несмотря на естественную убыль в старших поколениях, зарубежные русские авторы, как в русских сказках, «спрыснуты живой водой» и «встают без числа», и их поддерживает «племя младое, незнакомое» (по вечному слову Пушкина) в России, — единая рать выразителей мыслей, чувств и стремлений современных русских людей, борющихся за человека и за счастье матери-России. Ходасевич прав сегодня, как был прав и в 1933 году: «Национальность литературы создается ее языком и духом, а не территорией, на которой протекает ее жизнь, и не бытом, в ней отраженным».

Кембридж, январь 1971 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Удивляться этому нельзя, если вспомнить, что именно русские за рубежом были одной из беднейших национальных групп, а значит, не могли обеспечивать существование своих организаций и, в частности, книгохранилищ и, кроме того, в период катастроф перед, во время и после второй мировой войны именно русские библиотеки подвергались сугубому вниманию, отнюдь не дружественному, различных политических полиций. Как на иллюстрацию, можно указать на судьбу Тургеневской библиотеки в Париже, изъятый и увезенный в Германию, где ее, по-видимому, остатки «дочитывались» советскими бойцами, заинтересовавшимися «русскими, а не советскими книгами», несколько ящиков которых было случайно обнаружено на каком-то железнодорожном складе. Движение фронтов по средней и восточной Европе привело к полному исчезновению ряда изданий и частных архивов.
- ² Во всемирно прославленном книгохранилище Британского музея нет полных серий даже столь важных изданий, как журналы «Воля России», «Звено», «Числа», «Новоселье» и так далее. Надо надеяться, что североамериканские библиотеки сумеют учесть подобные ошибки, допущенные в Европе, и будут более систематично следить также и за «русской эмигрантикой», удельный вес которой неуклонно возрастает и которой предстоит еще эпоха открытия ее внутрирусским читателем.
- ³ Охватить все многообразие накопившегося материала в сжатых рамках этой статьи совершенно невозможно, но некоторые публикации назвать необходимо. Очень ценны автобиографические материалы, собранные и опубликованные П. Е. Ковалевским: Зарубежные писатели о самих себе. — «Возрождение», 1957, окт., № 70, стр. 21—32; исключительного значения здесь запись Б. К. Зайцева — «О себе». Для характеристики И. А. Бунина показательны его «Воспоминания», Па-

риж, изд-во «Возрождение», 1950, острые и пристрастные (хотя касающиеся всей жизни автора, но дающие много важных штрихов для эмигрантского периода жизни писателя; весьма любопытен его самоотчет «Нобелевские дни»). Галина Кузнецова, «Грасский дневник», Вашингтон, изд. В. Камкина, 1967, 315 стр., — талантливое и тактичное изображение Бунина в эмиграции. Андрей Седых, «Далекие, близкие», Нью-Йорк, изд. «Нового русского слова», 1962, — целая портретная галерея выдающихся людей, встреченных автором; страницы о Бунине особенно выразительны. Много весьма любопытного материала в «Письмах М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Бунинным», подготовленных к печати М. Э. Грин, — «Новый журнал», 1965, кн. 80 и 81. Своеобразная по тону — «маленький фельетон» вместо мемуаров, иронически беспощадная и, по существу, грустная книга Дон Аминадо (А. П. Шполянского) «Поезд на третьем пути», Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1954, — здесь множество живых подробностей и характеристик «дел и дней» литераторов и в России и затем в изгнании. Тут же надо назвать прекрасный «портрет» самого Дон Аминадо, набросанный Л. Зуровым: Дон Аминадо. — «Новый журнал», 1968, кн. 90. Пристального внимания заслуживает ряд опубликованных писем Марины Цветаевой к Ю. Иvasку, «Русский литературный архив», Нью-Йорк, 1956, к Анатолию Штейгеру, «Опыты», Нью-Йорк, 1957, V, VII, VIII, к Роману Гулю, «Новый журнал», 1959, кн. 58, к А. В. Бахраху, «Мосты», 1960, № 5, и 1961, № 6 (предисловие А. Бахраха), ее же письма к Анне Тесковой, подготовленные к печати Вадимом Морковиним, Прага, изд-во Чехословацкой Академии наук, 1969; среди воспоминаний о Цветаевой надо выделить и лично и исторически значительные М. Л. Слонима — «Новый журнал», 1970, кн. 100. Интересны выдержки из писем Алексея Ремизова к Наталье Кодрянской, — «Алексей Ремизов», Париж, 1959, где собран красноречивый материал и дан осторожный комментарий. Ряд существенных деталей о жизни, личности и окружении писателя охарактеризован Наталией Резниковой: Из воспоминаний о А. М. Ремизове. — «Мосты», 1968, Товарищество зарубежных писателей, № 13-14. Необычайной силы и прелести «Повесть о Вере» (письма В. Н. Бунинной к В. А. Зайцевой, обработанные и комментированные Борисом Зайцевым), — «Мосты», 1968, № 13-14, и, пожалуй, еще ярче «Другая Вера» (письма В. А. Зайцевой к В. Н. Бунинной, подготовленная к печати тоже Б. К. Зайцевым), — в их непосредственности и замечательной меткости суждений драгоценный источник «аромата эпохи» и потока любопытных деталей о жизни зарубежных писателей, «Новый журнал», 1968—1970, кн. 92, 95, 96, 98, 99. Ряд писем писателей из неистощимого архива Г. П. Струве был опубликован в журнале «Мосты», № 1, 3, 13-14, 15, с ценными примечаниями и объяснениями владельца.

Чрезвычайно много дает для «познания» литературного Парижа четкая и уравновешенная книга Ю. Терапиано «Встречи», Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1953. О так называемой «парижской ноте» в зарубежной поэзии следует прочитать книгу Георгия Адамовича «Комментарии», Вашингтон, изд. В. Камкина, 1967, — хотя тематика статей, включенных в том, значительно шире только эмигрантики и воспринимается как «Кредо» этого взыскательного, иногда парадоксального и, странным образом, не слишком конструктивного, но влиятельного критика; тем не менее подлинным его «местом битвы» являются «сердца» эмигрантских литераторов, «мэтром» части которых и оказался этот прекрасный поэт, превратившийся — с половины пятидесятых

годов — в главного литературного «законодателя» эмиграции, склонной к «табели о рангах» и к «иерархии». Весьма интересна, но довольно субъективна книга В. С. *Варшавского* «Незамеченное поколение», Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1956, — ценность ее именно в изменении «угла зрения»; ряд фактических неточностей, вкравшихся в тему, и полемика «по существу» отлично выявлены в статье Ю. *Терапиано* «По поводу незамеченного поколения», — «Новое русское слово», 1955, 27 ноября, — по-видимому, критик писал до выхода книги, зная только отдельные главы, уже появившиеся в виде статей. Ю. *Терапиано* интересно рассказал также «Об одной литературной войне», — «Мосты», 1966, № 12: подлинная история нападок Георгия Иванова на В. Ф. *Ходасевича* и отголосков ее в литературных кругах.

Исключительной ценности оказалась книга М. В. *Вишняка* «Современные записки; Воспоминания редактора», Indiana University Publication S. & E. E. Series, 1957, вызвавшая волну откликов, — см. М. В. *Вишняк*. Заключительное слово. — «Новый журнал», 1959, кн. 57.

Литературная критика очень часто не может быть конкретизирована, так как нет той прессы, где она печаталась: мало что можно сказать сейчас о критических статьях Д. В. *Философова* (Варшава), А. Л. *Бема* (об его статьях в варшавской прессе), Ю. И. *Айхенвальда* (он же В. *Кременецкий* в «Руле»), А. *Савельева* (С. Г. *Шермана*) — его отзывы в «Руле» оставили впечатление «хорошего уровня» и независимости; нет, по-видимому, возможности пересмотреть и литературные статьи П. М. *Пильского*, писавшего во многих изданиях, но в эмиграции, главное, сначала в ревельских газетах, а позднее в рижском «Сегодня». Вообще в отношении критики приходится обращаться ко всей эмигрантской периодике, — задача технически безнадежная. Поэтому в центре внимания остаются только те критики, суждения которых собраны в книги. Владислав *Ходасевич*, «Литературные статьи и воспоминания», Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1954 — том (подготовленный к печати Н. Н. *Берберовой*) дает прекрасное представление о диапазоне интересов и методе этого прославленного автора, но, к сожалению, только четыре из тридцати «опусов», соединенных в книге, касаются эмигрантской тематики в прямом смысле. Книга Георгия *Адамовича* «Одиночество и свобода», Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1955, целиком посвящена зарубежным авторам. По утверждению Глеба *Струва*, «книга Адамовича составила по большей части из ранее напечатанных, но часто значительно переработанных статей» («Об Адамовиче критике. По поводу книги «Одиночество и свобода». — «Грани», 1957, №№ 34—35). Действительно, будущий историк не найдет в этой книге, например, подлинного отношения Адамовича к *Сирину-Набокову*, как оно отражалось в течение первого десятилетия расцвета таланта писателя, поэтому исторически книга дает меньше, чем «четверговые статьи» критика в «Последних новостях», где осторожная, но неуклонная «анти-сиринская линия» велась им годами. В предисловии к переизданному во второй половине шестидесяти годов роману «Защита Лужина» Г. В. *Адамович* — например — считает, что самоубийство Лужина «оправдано», но в 1930 году провозглашал такую концовку «беллетристической неудачей» (см. Н. *Андреев*. *Сирин*. — «Новь», Таллин, 1930, III). В сборнике статей Федора *Степуна* «Встречи», Мюнхен, Товарищество зарубежных писателей, 1962, перепечатаны четыре интересных статьи этого блестящего критика и первоклассного редактора-советника литературного отдела «Современных записок» — две о *Бунине*, одна о *Б. К. Зайцеве*, а так-

же обзор «Советская и эмигрантская литература 20-х годов», где выявлена одна из его любимых идей: «настоящая Россия мыслима только как единство своего прошлого и своего будущего», и где он высказал немало горьких истин в адрес авторов обоих потоков русской литературы.

- ⁴ Мне известна добросовестная работа С. Карлинского о Цветаевой "Marina Cvetajeva", Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1966; книга К. Geib, "A. M. Remizov", посвященная изучению ремизовского стиля и изданная в серии "Forum Slavicum", 1970, № 26, редактируемой Д. И. Чижевским в издательстве Wilhelm Fink, München; работа С. N. Lee "The Novels of M. A. Aldanov", The Hague Mouton Co., 1969. В последние годы материалы о З. Н. Гиппиус подверглись внимательному изучению — см. многочисленные публикации Т. А. Пажмусс на русском языке и ее же превосходную книгу: "Zinaida Hippus: An Intellectual Profile", Carbondale, 1971. Творчество Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, Л. Ф. Зурова послужило темами литературно-исторических диссертаций; значит, появление книг о них только вопрос времени. В книге А. К. Бабореко «И. А. Бунин, материалы для биографии (с 1870 по 1917)», Москва, 1967, стр. 215—252, под заголовком «Последние годы», даются некоторые сведения о жизни, настроениях и работе Бунина в его зарубежный период, продолжавшийся больше тридцати трех лет. Как будто бы, самое важное на этих страницах — многочисленные свидетельства о писателе В. Н. Буниной, Л. Ф. Зурова и других близких к нему лиц. Очень интересна книга А. Волкова «Проза Ивана Бунина», изд. Московский рабочий, 1968, где, кажется впервые в советской критике, произведен опыт разбора произведений Бунина вне политической схемы, то есть Волков спорит с советскими «традиционалистами», считавшими, что в эмиграции талант Бунина неуклонно падал. Обзор советских работ о А. И. Куприне см.: Б. М. Козлов. Искусство, жизнь, художник. — «Русская литература», 1970, № 3, стр. 211—215.
- ⁵ Таковы: очерк А. В. Амфитеатрова, Белград, 1929; Vladimir Pozner. *Panorama de la litterature contemporaine russe*. Paris, 1929; Nicolai von Arseniew. *Die Russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart*... Mainz, Dioskuren-Verlag, 1929; N. Otzup. *Die neueste Russische Literatur*. Breslau, Ost-Europa Institut, 1930; М. Гофман. Русская литература в эмиграции. — «Возрождение», 1957, октябрь, № 70, и т. д.
- ⁶ П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Юбилейное издание, «Современные записки», 1931, II, часть первая, стр. 393 и 405. Милюков принимает цифру эмигрировавших писателей, данную библиографом И. В. Владиславлевым, — 38: «из дворянской и дворянско-помещичьей среды 22, из купеческой среды 6, из разночинцев 7, среда не установлена — 3».
- ⁷ Иван Тхоржевский. Русская литература. Париж, изд-во «Возрождение», второе издание, 1950, II, стр. 533—557.
- ⁸ Marc Slonim. *Modern Russian Literature*. New York, 1953, pp. 396—406.
- ⁹ Глеб Струве. Неудачная книга о русской литературе. «Опыты», 1954, III, стр. 189—195.
- ¹⁰ Глеб Струве. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1956, стр. 394. Еще резче выразил он ту же мысль в своем «Дневнике писателя» в парижской газете «Русская мысль», 1959, 31 марта, № 1394: «Эмигрантская литература обречена на вымирание».

- ¹¹ К сожалению, автору этой статьи не удалось подобрать газетные оценки книги, некоторые из которых излишне придирчивы и явно несправедливы. Из журнальных отзывов доступными оказались следующие рецензии: М. М. Карпович в «Новом журнале», 1956, кн. 46, стр. 251—254; Ю. Иваск в «Опытах», 1956, стр. 105—106; Владимир Рудинский, Попытка с негодными средствами, — «Возрождение», 1956, т. 60, стр. 133—136; Ник. Андреев, Литература в изгнании. — «Грани», 1957, 33, стр. 164—176.
- ¹² Мы имеем в виду, конечно, ее великолепный по стилю и по мастерству «Лебединый стан», Мюнхен, 1957, и «Перекоп».
- ¹³ Nikolay Andreyev. Leonid Andreyev and his Destiny as a Writer. В кн.: Горски вијенац, A Garland of Essays Offered to Professor E. M. Hill, Cambridge (England), The Modern Humanities Research Association, 1970, pp. 1—11.
- ¹⁴ О Замятине написано немало и по-русски и на других языках: стоит отметить: D. J. Richards. Zamyatin. London, 1962; Alex M. Shane. The Life and Work of E. Zamyatin. Berkeley, 1968. Сейчас издается собрание его сочинений — вышел том первый под редакцией О. Жиглевич в изд. A. Neimanis, München, 1970. Под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова и при участии В. В. Вейдле и В. М. Сечкарева выпущено в свет четыре тома — «Собрание сочинений» Н. Гумилева, Вашингтон, изд. В. Камкина, 1962—1968. Они же выпустили в свет при сотрудничестве К. Брауна, Э. М. Рейса, Ю. П. Иваска, Н. А. Струве и др. собрание сочинений Мандельштама, в трех томах, изд. Международное литературное содружество, 1967—1969. Вышли неприятительные, но совершенно потрясающие «Воспоминания» Надежды Мандельштам, жены поэта, Нью-Йорк, изд-во имени Чехова, 1970. Произведения Пильняка переиздаются менее систематично, но непрерывно и, по-видимому, скоро будут опубликованы исследования о нем по-английски. Забытая в СССР поэзия Николая Клюева возрождена к жизни в двухтомнике «Сочинения», под редакцией все тех же неутомимых Г. П. Струве и Б. А. Филиппова и при участии Г. Мак Вэя, Г. Штаммлера, Э. Рейса, изд. A. Neimanis, München, 1969.
- ¹⁵ Сочинения М. Булгакова переиздавались и переиздаются непрерывно, «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» многократно ставились русскими зарубежными театрами. «Мастер и Маргарита» вызвали поток критических оценок, из которых надо выделить замечательную по учености и широте охвата материала статью Р. В. Плетнева в «Новом журнале», 1968, кн. 92, и проницательный анализ Л. Д. Ржевского «Пилатов грех (О тайнописи в романе М. Булгакова)», в его книге «Прочтенье творческого слова», New York, New York University Press, 1970. В той же книге две интересных статьи о Солженицыне, произведения которого изданы несколькими издательствами. Изд-во Посев начало выпуск «Собрания сочинений» Солженицына. Р. В. Плетнев написал книгу «А. И. Солженицын», Мюнхен, 1970 (издание автора), — взволновано прямодушная и разносторонне высокая оценка творчества этого удивительного писателя наших дней.
- ¹⁶ В. В. Вейдле. На смерть Бунина. «Опыты», 1954, III, стр. 80—93.
- ¹⁷ Вопрос был опять поставлен в «Возрождении», 1954, июль-август, № 34, в статье Ник. Андреева — «Заметки читателя».
- ¹⁸ О Сирине-Набокове написано много. Наиболее удачная попытка объяснить его «целиком» англо-саксонскому миру сделана A. Field: "Na-

bokov", London, 1967. Однако, до сих пор (январь 1971 г.) Сирин явно не дается английским и американским комментаторам, да, по-моему, и Набоков, поскольку его английские писания, в сущности, теснейше связанные с его русским пластом впечатлений, не доходят во всей своей полноте до англо-американского читателя и — увы — критика. Чрезвычайно замечательны «Послесловие» автора к «Лолите» (американское издание) и «Постскриптум к русскому изданию», оба напечатаны в русском издании «Лолиты», мастерски переведенной самим писателем, — во многом здесь драгоценные «ключи» к пониманию головокружительной техники этого исключительного таланта.

¹⁹ Н. И. Ульянов. Десять лет. — «Русская мысль», 1959, февраль, № 1328 —131. Концепция Ульянова высказывалась им и прежде: «Эмигрантской литературе предстоит, по-видимому, скорая гибель под соединенным напором партийно-политических дельцов и вульгарного писательства, драпирующегося в тогу гражданственности» («После Бунина». — «Новый журнал», 1964, XXXVI, стр. 154.).

²⁰ Глеб Струве. Дневник писателя. О статье Ульянова. — Русская мысль, 1959, 13 марта, № 1349.

²¹ Упомянутые выше воспоминания М. В. Вишняка и М. Л. Слонима можно было бы подкрепить многочисленными «свидетельскими показаниями», начиная с автора этой статьи, неизменно встречавшего благожелательнейшее отношение со стороны всех редакций, независимо от их политических тенденций: будь то русские издания в Прибалтике и в Польше, пражские — эсеровская «Воля России», крестросское «Знамя России», беспартийные «Новости», парижские — консервативное «Россия и Славянство» или эстетствующие «Числа», либеральная «Русская мысль» (при всех составах редакции), или в Германии солидаристские «Посев» и «Грани» и т. д.

²² См. выше примечание 11. Юрий Иваск, «Письмо об эмиграции», «Мосты» — сборник статей в 50-летию русской революции, Мюнхен, Товарищество зарубежных писателей, 1967, стр. 169—175, дал более широкое понимание, чем в указанной рецензии, «эмигрантской культуры», но остался по-прежнему «импрессионистом» в оценках и прогнозах.

²³ См. ценную статью Н. П. Полторацкого, «Русская религиозная философия», «Мосты», 1960, № 4, а также N. Zernov, "The Russian Religious Renaissance", London, 1963.

²⁴ М. Алексин, Э. Белая. Размещение эмиграции. Большая Советская Энциклопедия, главный редактор О. Ю. Шмидт, Москва, 1933, том 64, стр. 162, столбцы 160—175.

²⁵ Slonim, "Modern Russian Literature", p. 397.

²⁶ Вл. Абданк-Коссовский. Русская эмиграция: итоги за тридцать пять лет. — «Возрождение», 1956, март, т. 51, стр. 129.

²⁷ Иван К. Окунцов. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, изд. Сеятель, 1967, стр. 311: «по данным, собранным Русским заграничным архивом в Праге, в 1936 году вне пределов России выходило на русском языке 108 газет и 162 журнала. Эти 270 периодических издания обслуживали читательскую массу, исчисляемую больше 2 000 000 русских эмигрантов».

²⁸ Берлин двадцатых годов описан не раз, но наиболее живое, талантливое и внутренне мотивированное описание русской литературной жизни там дано Вадимом Андреевым в его превосходной передаю-

щей «воздух» этого место-развития автобиографии. — «Возвращение в жизнь», «Звезда», 1969, 5, стр. 120—129; 6, стр. 94—147.

- ²⁹ Антон Крайний. Литературная запись. Полет в Европу. «Современные записки», 1924, XVIII, стр. 123—138.
- ³⁰ Марк Слоним. Литературные отклики. Живая литература и мертвые критики. — «Воля России», № 4, 1924.
- ³¹ М. Л. Слоним. Художественная литература. — Русская зарубежная книга, I (Библиографические обзоры), Труды Комитета русской книги, вып. I, Прага, 1924, стр. 109.
- ³² Г. П. Струве. Страница из истории зарубежной печати. Начало газеты «Возрождение». — «Мосты», 1959, 3, стр. 374—392.
- ³³ В «Современных записках» была напечатана в 1927 г., кн. XXXII, симптоматичная статья «Эмигрантское» М. О. Цетлина, редактора отдела стихов и, отчасти, критики, покровителя молодых поэтов. Цетлин высказал сомнение в возможности достойной смены старшему поколению прозаиков (сомнение не оправданное, как показал беллетристический отдел того же журнала). Симптоматичность этой статьи была в том, что даже «скептик» не мог избежать обсуждения факта роста литературной смены.
- ³⁴ Нет возможности перечислить какие-либо из этих имен, — Г. П. Струве в своей книге дал немало удачных характеристик: стр. 171—176, 318—370; а также Г. В. Адамович посвятил пристальное внимание Поплавскому и Штейгеру в своем томе очерков зарубежной литературы — «Одиночество и свобода». Многие поэты издали сборники своих произведений, некоторые даже несколько. Общая картина представлена в различных антологиях: «Якорь», составители Г. В. Адамович и М. Л. Кантор, Берлин, 1936; «Эстафета», под ред. Ирины Яссен, Вадима Андреева, Юрия Терапиано, Париж—Нью-Йорк, (1948); «На Западе», составил Юрий Иваск, Нью-Йорк, 1953; «Муза Диаспоры», составил Юрий Терапиано, Франкфурт, 1964; «Содружество», составлено Татьяной Фесенко, Нью-Йорк, 1966.
- ³⁵ Появился спрос на литературные обзоры в самых неожиданных изданиях (например, в «Вестнике Союза русских просветительных и благотворительных организаций в Эстонии», Таллин, 1934—1948; в журнале «Знамя России», органе партии Крестьянской России, откуда производилась перепечатка провинциальными русскими газетами в Польше). Возросло количество дискуссий и лекций на темы современной литературы. В Париже в 1934 г. вышло 6 номеров журнала «Встречи» под ред. Г. В. Адамовича и М. Л. Кантора. В Праге стала выходить скромнейшая серия стихотворных сборников «Скит», I—IV, 1933—1937, под ред. А. Л. Бема. В Таллине разрослась и окрепла «Новь», единоличным редактором которой стал П. М. Иртель. В Париже в 1936 г. начал издаваться, при участии И. И. Бунакова-Фондаминского литературно-художественный альманах «Круг». В 1937 г. в Шанхае и в Париже возник новый толстый журнал «Русские записки», ставший, как бы, отделением «Современных записок», но под редакцией П. Н. Милюкова. В Париже в 1939 г. было издано три номера журнала «Грань», под ред. С. Шегулова и И. Савича: «отклики современной жизни и мысли». Там же и в том же году под ред. З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского вышел интересный «свободный сборник» — «Литературный смотр»: «материал печатается в том виде, в каком дает его

автор», — «редактор не выбирает произведений, он выбирает людей-авторов».

³⁶ См. указания в примечании 34. Кроме того — статья Марины Цветаевой «О книге Н. П. Гронского — Стихи и поэмы», «Современные записки», 1936, LXI.

³⁷ К сожалению, плохо известна русская печать под гитлеровским контролем. Об этом периоде небезынтересно рассказал Н. Февр, «Солнце восходит на Западе», Буэнос-Айрес, 1950. Вторая эмиграция принадлежала, главным образом, к средней «трудовой интеллигенции» (см. в книге Струве, стр. 388—390, ряд фактических данных и «общие впечатления» от литераторов). Ряд талантливых прозаиков, поэтов, критиков и публицистов стал ведущим голосом в зарубежной литературе, принеся с собой знание сталинской России и ощущение российской реальности, — это придало жизненности всему русскому литературному Зарубежью.